«СЕЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ»

Елена Образцова на сцене Белорусского театра оперы и балета

Большим событием в музыкальной жизни Минска стало участие в спектакле «Сельская честь» Е. Образцовой. Вряд ли даже кому-нибудь из сидящих в зале пришло бы в голову отдельно воспринимать в тот момент достоинства ее вокала. Образ героини оперы Масканы, созданный актрисой, был настолько органичен, целен, волнующ своей художественной правдой, что всякое расчленение его на части было просто невозможно.

Одна из характерных черт искусства Образцовой — властность артистического темперамента, способность подчинить себе зрительный зал, повести его за собой. Была эта властность и здесь, с момента первого ее появления. Еще не прозвучала ни одна из роскошных нот голоса певицы, а Сантуцца уже жила на сцене. Вот она возникла в дальнем конце деревенской площади и медленно, отрешенно прошла мимо удаляющихся односельчан и лишь на мгновение оглянулась, и в этом нервном, тревожном, затравленном взгляде, в этом напряженном повороте головы и плеч был уже целиком образ гордой и страстной сицилианки, брошенной возлюбленным.

Романс Сантуццы Образцова начинает крайне сдержанно, нерешительно, словно давая понять, как мучительно для героини это признание в собственном несчастье. Но за сдержанностью — огромный накал чувств, рвущаяся за пределы души страстность.

Безукоризненно ощущение музыкальной формы, которая рождается в пластике вокальной кантилены, выстраивается от фразы к фразе, динамически разрастаясь по мере того, как откровеннее и ярче раскрывается эмоциональный мир Сантуццы.

Четыре года назад, после блестящего исполнения партии Шарлотты в опере Массне «Вертер» на сцене миланского «Ла Скала», Елена Образцова была единодушно названа критиками одной из лучших «веристских» певиц современности. «Веристской» в самом первоначальном значении этого слова, то есть истинной, правдивой. Действительно, героини Образцовой живут на сцене с изумляющей смелостью в выражении чувства, с безоглядной откровенностью и необычайной силой темперамента раскрывают всю глубину своего духовного бытия. Но при этом певицу никогда нельзя упрекнуть в натурализме или тем более в тяготении к мелодраме, а говоря иначе, в мелкости ее эмоциональных излиятий. Душевная исповедь героини Образцовой неизменно высока, значительна, масштабна. И образ Сантуццы, особенно в развернутой дуэтной сцене с Туридду (В. Ивановский), волновал прежде всего значительностью происходящего. Не

списанная с натуры бытовая драма, а истинная трагедия незаурядной и сильной личности разворачивалась перед нами. Восторженная любовь к Туридду, надежда и сжигающая душу ненависть и ревность к Лоле (И. Стлыгина), оскорбленная гордость и полные самоуничтожения мольбы — вся проговоречивость чувств героини передана Образцовой с неопровержимой убедительностью. Она целиком растворяется в создаваемом ею образе, она сама Сантуцца. Поэтому так психологически достоверна следующая сцена с Альфио (И. Сорокин), когда отвергнутая, уничтоженная, обессиленная Сантуцца, почти неосознанно движимая только отчаянием, раскрывает Альфио тайну преступной связи Туридду и Лолы.

Превосходная работа большого мастера! И подготовлена она за поразительно короткий срок. Об этом рассказал режиссер Минского оперного театра Семен Штейн:

— Сценически роль сделана за одну двухчасовую репетицию. Подобной репетиции я не помню за всю свою многолетнюю театральную практику. Мы начали репетировать в 8.30 утра — необычайно рано, когда, как известно, голос певца еще «спит». Я бы никогда в это не поверил, если бы не стал сам свидетелем. — Елена Васильевна всю репетицию провела в полный голос и с полной самоотдачей, как если бы все происходило на сцене. Она вошла в спектакль сразу, разобравшись во всем с полуслова, с полупамятки. Высочайший профессионализм! И какое при этом полное и совершенное проникновение в образ, какая подлинность переживания! Необыкновенная актриса! Но самое поразительное, что после этой репетиции Образцова еще два часа с тем же энтузиазмом работала над ролью Ульрики из вердиевского «Бала-маскарада»...

Чтобы понять, как можно за такой короткий срок справиться со столь сложной ролью, стоит к этой двухчасовой репетиции приплюсовать всю творческую жизнь певицы, суть которой — единый и непрерывный процесс творческого горения.

Кстати, полная поглощенность своей работой накладывает и на человеческий облик Образцовой определенный отпечаток: немногословна, собрана, проста и сердечна. В двух последних качествах довелось видеть ее, когда после спектакля она от души благодарила своих белорусских друзей и коллег и среди них главного дирижера Я. Воцака, чье талантливое музицирование весьма способствовало успеху спектакля.

А. АЛЕКСАНДРОВ-ВЕНЕЦКИЙ.

МИНСК.

29 ЯНВ 1980

СОБЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ